

Игорь Орлав

Вторая версия нас

КодМЫ

Научная фантастика

Игорь Орлав

Вторая версия нас

«Автор»

2026

Орлав И.

Вторая версия нас / И. Орлав — «Автор», 2026

Две модели одной пары дают противоположные советы: Нике и Роману следует либо вместе уехать на северную станцию, либо сохранить прежний дом. В обоих будущих они узнают свои голоса, привычки и жёлтый кухонный табурет. Но за убедительными сценами скрываются пропущенные разговоры и обещания, которые каждый понял по-своему. Пока они уточняют данные, срок отъезда внезапно сдвигается. Новый расчёт не успеет закончиться. Теперь придётся решить, чем каждый готов поступиться ради работы, свободы и общей жизни.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Два совета	6
2. То, что попало в запись	9
3. Квартира без мастерской	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Орлав

Вторая версия нас

Это художественное произведение. Персонажи, события, город и технологии вымышлены. Описанное моделирование человеческой жизни — фантастическое допущение, а не описание существующего способа предсказывать отношения.

1. Два совета

Ника нажала на светящийся край пластины, и Роман замер с ложкой над чашкой. Настоящий Роман сидел рядом и в это время искал ложку в кармане куртки.

— Опять взял из дома, — сказал он, нашёл её и положил на стол. — Продолжай.

Ника отпустила край. В маленькой кухне над пластиной её собственная фигура прошла от двери к раковине. Та же короткая стрижка, тот же способ засучивать рукав сначала до локтя, а потом ещё раз. За узким окном белели опоры северной станции. На стуле лежала куртка с эмблемой акустической группы.

Возможная Ника остановилась перед жёлтым табуретом.

— Ты мог бы хотя бы убрать его с прохода.

Возможный Роман поставил чашку.

— Я ждал, пока высохнет ступенька.

— Она со вчерашнего дня сохнет.

— Ты со вчерашнего дня её не заметила.

Ника выключила звук. Табурет в проекции был их: горчичное сиденье, синяя нижняя ступенька, выдвигающаяся на деревянных рычагах. Даже косой след кисти под сиденьем, куда она поленилась залезть четыре года назад. Она узнала не только вещь. Ей случалось заходить в кухню с такой же стиснутой челюстью, видя препятствие прежде, чем человека, который его оставил.

На нижней кромке возник совет: «Сохранить общий дом в Вежине. Не принимать совместное девятимесячное размещение на Гряде при текущем распределении обязанностей».

— Ну вот, — сказал Роман.

Он произнёс это тихо, почти извиняясь. Именно так он говорил, когда находилась инструкция, позволявшая отложить неприятную работу.

Ника взяла вторую пластину. Обе имели один номер исходного набора. Обе получили фотографии, переписку, записи расходов и календарь пары за полтора года. Они лежали в одинаковых серых чехлах и стоили одинаково.

Вторая кухня отличалась положением стола. За окном всё так же белели опоры Гряды. Роман стоял возле жёлтого табурета, Ника поднялась босиком на синюю ступеньку, отчего их лица оказались на одной высоте. Он держал у рта крышку от коробки с печеньем.

— Переход номер четыре, — объявил он гулким голосом. — Осторожно, справа непреодолимая куча носков.

Возможная Ника прыснула, прикрыла рот ладонью и сказала:

— Ещё раз. Только без носков. Мне это завтра показывать.

Настоящий Роман невольно улыбнулся. Они действительно записывали объявления в крышку: получался смешной голос, словно у маленького вокзала была простуда. Ника проверяла на нём первые варианты звуковых указателей. Чужие голоса отвлекали; к его голосу она привыкла и замечала сам сигнал.

Теперь под кухней появилось другое: «Принять совместное размещение. Новая среда поддерживает согласованное перераспределение времени».

— Тоже мы, — сказала Ника.

Роман забрал со стола настоящую ложку и снова спрятал в карман. Он не заметил этого движения. Ника заметила, но промолчала.

По другую сторону стола Инга Рей сняла очки. Сотрудница сценарной мастерской была моложе их обоих; на переносице у неё остались два красных пятнышка. Пока шёл просмотр, она чинила застёжку собственного браслета. Нике это сначала показалось невежливым, а сейчас понравилось: Инга не следила за каждой их гримасой.

— Какой из расчётов лучше? — спросил Роман.

— Для чего?

— Чтобы выбрать.

— В каком из них вы поняли, что именно готовы делать?

— Нам пока предложили поставить стол в другое место, — ответила Ника.

Инга кивнула и вернула звук первой пластине. Под сценой открылись три строки. «Слой»: перенос наблюдаемых привычек. «Отклик»: изменение привычек после заявленных соглашений. Внешние условия у расчётов совпадали: девять месяцев на Гряде, служебная квартира, работа Ники, отсутствие у Романа постоянной должности.

— Это разные способы достраивать неизвестное, — сказала Инга. — Мы выдаём оба именно там, где они расходятся. Если бы я оставила вам одну красивую сцену, вы не увидели бы вопроса.

— А рекомендации зачем такими буквами?

Инга посмотрела на крупную строчку.

— Хороший вопрос. Я здесь за эти буквы ругаюсь с третьего месяца. Можно убрать советы и оставить условия.

— Пока не надо, — сказала Ника слишком быстро.

Во второй кухне она выглядела счастливой. Не праздничной, не отредактированной до чужого лица, а своей: невысокой, широкоскулой женщиной тридцати семи лет, у которой к вечеру уставала шея и которая всё равно могла рассмеяться, услышав нелепый звук. Ника хотела ещё минуту побыть рядом с этой возможностью.

До воскресенья им предстояло ответить станции, нужна ли семейная квартира. Ника получила приглашение вести настройку звуковой навигации в новых переходах Гряды. Переходы связывали жилые корпуса с лабораториями, и голоса в них блуждали так, что человек мог услышать нужное объявление со стороны закрытой двери. Ника два года делала небольшие городские проекты; здесь ей впервые предлагали собственную группу.

Роман мог поехать с ней без трудового назначения. Мог остаться в Вежине. Мог приехать позже, но уже с отдельным билетом и без гарантии постоянной комнаты. Это были известные условия. С тем, что они означали для четырёх лет общей жизни, дело обстояло хуже.

— Мы думали, вы покажете, к чему всё идёт, — сказал он.

Инга повернула первую пластину к нему.

— Она показывает, к чему может привести одно продолжение. Видите точку у слова «обязанности»? Нажмите дома. Там перечислено, что расчёт принял за ваше обычное поведение.

— А если оно неправильное?

— Исправляем исходные данные. Пересчитываем. Но надо сначала понять, где ошибка, а где вам не нравится узнавать себя.

Она сказала это без улыбки, и Ника впервые ощутила неприязнь. Очень удобная фраза для человека, чья собственная жизнь не стояла сейчас между двумя кусками стекла.

Инга, будто заметив, добавила:

— И не всякое ваше возражение — самообман. Иногда мы просто плохо собрали материал.

Она показала, как открыть источник отдельной детали, как остановить звук и как скрыть лицо одного из участников. Ни одна пластина не слышала разговоров вокруг себя. Нельзя было спросить возможного Романа, любит ли он Нику, и получить свежий ответ. Запись содержала только рассчитанные сцены; всё новое требовало нового запуска.

На улице пахло тёплыми водорослями. Под прозрачным настилом набережной двигалась тень уборочного катера. Роман нёс чехлы аккуратно, зажав под мышкой, как когда-то нёс стекло для их кухонной полки. Он шёл чуть сутулясь; ветер поднимал редкие светлые

волосы. В понедельничном свете его длинное лицо казалось усталым, хотя свои сорок лет он обычно выдавал только мелкими складками у глаз.

— В первой ты всё время работаешь, — сказал он.

— Во второй тоже.

— Во второй я тебе нужен.

Ника остановилась. Ей хотелось сразу возразить, но он смотрел не на неё, а на расписание паромов.

Над его головой мерцала надпись: «Гряда. Воскресенье. Восемнадцать ноль-ноль». До отправления оставалось шесть дней.

— Дома посмотрим сначала всё, — сказала она.

Роман согласился. Ника взяла его под руку, и некоторое время они шли в ногу. Потом у него развязался шнурок.

2. То, что попало в запись

Дома табурет стоял на кухонном столе вверх ногами. Роман с утра подкрашивал синюю ступеньку и подтягивал её шарнир, но не успел закончить. Из-за этого они завтракали на подоконнике, а записывающий шарик Ники укатился за хлебницу.

— Вот, — сказала она. — Исходные данные уже недостоверны. Мы не можем пользоваться столом ни здесь, ни на севере.

— Зато можно завтракать с видом на воду.

— С видом на вентиляционную башню.

— Она отражается в воде. Два удовольствия.

Они нашли этот табурет в первую неделю после того, как съехались. Он лежал в ящике ненужных вещей возле рынка: нелепо жёлтый, с короткой складной ступенькой вместо обычной перекладки. Ника решила, что с него удобно добираться до верхней полки, Роман — что надо всего лишь заменить одну ось. Ось пришлось делать дважды, а ступеньку Ника выкрасила в синий, потому что жёлтая краска закончилась.

Тогда у них ещё не было стола. Они ужинали, поставив тарелки на табурет, и по очереди держали кастрюлю. Роман предложил считать это мебелью на двоих; Ника сказала, что мебель удачная, а инструкция отвратительная. С той недели осталось несколько фотографий и одна звуковая запись: ступенька с сухим щелчком раскрывается, Роман торжественно объявляет подачу макарон, Ника смеётся и просит не качать ужин.

Эту запись она разрешила мастерской использовать. Теперь вторая модель заставила её смеяться почти таким же смехом.

Ника достала шарик из-за хлебницы, а Роман взял отвёртку. Они условились не смотреть дальше на пустой желудок. Пока варилась крупа, она записала звук его работы: короткий скрип металла, стук ногтя по деревянному рычагу, глубокий дребезг табурета на столе.

— Кто? — спросила она и воспроизвела запись задом наперёд.

— Старый лифт учится летать.

— У лифта нет крыльев.

— Поэтому и старый.

Ника добавила низкий свист чайника, срезав начало. Получился маленький сердитый зверь, который сначала предупреждал, а потом чихал. Роман изобразил, как этот зверь вытряхивает крошки из ковра. Они рассмеялись одновременно, и Ника почувствовала облегчение, почти физическое: люди из пластин ещё не заняли их квартиру целиком.

После ужина они развернули список входных данных прямо над вытертым столом. Табурет Роман поставил у стены, шарнир больше не скрипел. Нике стало жаль потерянного звука.

Разрешённые сведения были помечены сплошной линией. Их адрес, четыре года совместной жизни, рабочие часы, траты из общего кошелька, отобранные сообщения друг другу. Скан квартиры они сделали в прошлую субботу. Личные переписки с друзьями не загружали. Разговоры на кухне никто не записывал, кроме редких игр со звуком.

— Вот почему везде есть табурет, — сказал Роман. — У него лучшая сохранность биографии.

Ника открыла сведения о работе. За восемнадцать месяцев она уезжала семь раз; Роман — ни разу. Он забирал заказы с пунктов выдачи, встречал мастера домовой сети, покупал продукты, когда она возвращалась после девяти. Ника чаще оплачивала крупные покупки и занималась общими заявлениями. На экране её задачи умещались в несколько широких полос, его — в россыпь маленьких точек.

— По точкам я чемпион, — сказал он.

— Здесь нет часов.

— Есть там, где мы их указали.

Они указали далеко не всё. Программа увидела тридцать четыре покупки, но не могла знать, что Роман любил ходить на вечерний рынок. Увидела два оформленных Никой обращения, но не три вечера, потраченных на отказавший домовый терминал. Долгая работа и короткая вылазка стали соседними отметками одинаковой убедительности.

Ника раскрыла одно своё сообщение: «Если возьмут на Гряду, поедem. Тебе понравится».

Под ним стояло: «Совместное намерение». Источник — ответ Романа: «Конечно. Разберёмся».

— Ты тогда согласился, — сказала она.

Он прищурился, читая дату.

— Ты прислала заявку, а не приглашение. Я думал, мы разберёмся, если получится.

— Это довольно большая разница.

— Для меня — да.

Она помнила тот вечер иначе. Помнила, как вышла из маленькой переговорной, где руководитель городского отдела объяснял, что её предложение интересно, но неприоритетно. Увидела сообщение Романа и купила по дороге домой пирожные. Они ели их с плоских блюдец. Она решила, что получила поддержку. Он вспомнил те же пирожные, но считал, что отмечали отправленную заявку.

Ника убрала пометку о совместном намерении. Появилось предупреждение, что проигрываемые сцены не изменятся: правка войдёт лишь в следующий расчёт. Она нажала подтверждение. Ей не понравилось, как легко собственное воспоминание превратилось в строку с красным краем.

Ниже находился пробел: «Отказ от предложенной возможности». У Ники примеров оказалось много — мелких, хорошо объяснённых в переписке. У Романа не было ни одного.

— Неужели тебе ничего не предлагали?

— Предлагали.

Он открыл свою записную книжку, пролистал несколько экранов. Осенью его звали на три недели в городскую школу ремёсел показать работу со старыми механизмами. Роман отказался, написав, что не может оставить мастерскую.

— Ты мне не говорил.

— Там ничего не получилось.

— Потому и не получилось, что ты отказался?

Он пожал плечами. Ника знала это движение: подбородок вниз, ладони раскрыты, дело как будто уже завершено само собой.

— У Аси были занятия, я не мог всё на неё свалить.

— Ты спросил?

— Я знал расписание.

Ника не стала развивать разговор. Сегодня ей уже показали неприятную версию себя; ей не хотелось тут же показывать Роману его. Но она попросила внести приглашение, и он разрешил — без личной переписки с преподавателем, только сам факт и собственный отказ.

Потом выяснилось, что у неё отсутствовали два месяца голосовых заметок. Ника стёрла их после переезда отдела в новое здание. В те месяцы она несколько раз оставалась дома к ужину специально, потому что Роман собирал часы с механическим календарём и забывал есть. В календаре стояла работа из дома. В записке Роману — «Я сегодня здесь». Что означало «здесь», модель не знала.

— Можно восстановить по памяти, — сказал он.

— Тогда это будет рассказ по памяти.

— Но он же правдивый.

Ника посмотрела на строку про общее намерение. Ещё десять минут назад она тоже казалась правдивой.

Они добавили две разные заметки о тех ужинах, не сводя их к одной. Ника написала, что старалась быть рядом. Роман — что ему нравилось работать, слыша за стеной её шаги. Он не понял тогда, что ради этого она отказывалась от вечерних встреч в отделе.

Когда закончили, на часах было почти одиннадцать. Ника хотела открыть второй прогноз, но Роман попросил начать с первого.

— Ты уже решила, который хороший, — сказал он.

Она не ответила. Она действительно решила.

3. Квартира без мастерской

У первой пластины был янтарный торец. Когда Роман её включил, свет лёг на его пальцы, а над столом снова поднялась кухня на Гряде. В углу оставалась надпись «Слой. Условное продолжение». Ника теперь следила за ней так, будто без этих слов изображение могло притвориться воспоминанием.

Прошло шесть недель после предполагаемого переезда. В той жизни Ника заняла общий стол приборами. Два маленьких излучателя, свёрнутый провод, полоса звукопоглощающей ткани; ткань была настоящая, из фотографии её рабочего образца, а медная чашка возле неё — придуманная. У чашки появился тонкий пунктир, когда Роман включил разметку происхождения.

Его возможная фигура вынула из шкафа пакет с крупой, поглядела на занятый стол и стала отмерять порцию, держа миску на ладони. Он готовил ужин. Ника несколько раз писала, что задерживается; каждое сообщение сдвигало время на двадцать минут. Роман отвечал одной и той же фразой: «Не спеши».

Последний ответ он отправил, уже закрывая остывшую кастрюлю.

Ника появилась в половине десятого, сняла куртку и заговорила о переходе между вторым и третьим корпусом. Они наконец нашли место, где объявления переставали путать людей. Она хотела показать ему запись, но заметила кастрюлю.

— Ты поел?

— Ждал тебя.

— Я же писала.

— Я видел.

Она достала две тарелки. Он сказал, что теперь не хочет. Она спросила, почему он не поел раньше; он ответил, что тогда они вообще перестанут ужинать вместе. В настоящей кухне Роман откинулся на спинку стула.

— Я бы разогрел, — сказал он.

— Ты и здесь разогревал. Помнишь, в феврале?

Он помнил. Тогда они оба были усталые и помирились ещё до десерта. Здесь эпизод продолжился иначе.

Возможная Ника убрала ткань со стола и сказала, что завтра закончит пораньше. Назавтра этого не случилось. Запись перескочила на следующую неделю, сохранив под сценой пропущенные дни короткими отрезками. Роман мог развернуть их, но не стал: в каждом повторялась работа, ожидание, обещание, ещё одна поправка времени.

На третьем месяце он предложил помогать с расшифровками. В изображении не было злости или хитрости. Он действительно хотел помочь и умел различать механические шумы. Ника показала, как отмечать посторонний скрип. Первые вечера им было хорошо: они спорили о том, на что похож гул пустого перехода, и Роман вырезал из записи чей-то случайный свист.

Потом она стала оставлять ему задания. Он выполнял их дольше штатных сотрудников, потому что перепроверял каждую отметку. Она благодарила, но передавала результат в группу под собственной фамилией: формально отвечала за него. В модели не нашлось договора, по которому Роман мог бы стать участником работы. Его полезность имела домашний адрес.

В один из вечеров он не успел закончить запись.

— Я рассчитывала, что к восьми будет готово, — сказала возможная Ника.

— А я рассчитывал, что ты заметишь дверь.

Он отрегулировал кухонную дверь: она больше не стучала, когда в наружном переходе менялось давление. Он полдня искал подходящую прокладку. Ника прошла мимо двери и не услышала ничего — именно потому, что работа удалась.

Настоящая Ника прикрыла глаза. В этом была жестокая точность. Её тоже чаще замечали, когда плохо работали звуковые указатели. Хорошее направление люди проходили, не задумываясь, как они его нашли. Ей хотелось объяснить это возможному Роману, но пластина не принимала объяснений.

Следующий отрывок показывал маленький северный магазин. Роман выбирал винты, Ника торопилась; у неё через час начиналось совещание. Он удерживал в ладони пакетик, словно в нём лежало что-то более значительное, чем четыре крепления. За его спиной стоял мастер станции, имени которого в сцене не было. Внешние люди оставались приблизительно фигурами, если не давали данных для расчёта.

— Ты можешь сам, — сказала возможная Ника. — Тебе не нужно каждый раз ждать меня.

Роман поставил пакетик обратно.

— Могу.

На седьмом месяце она предложила ему съездить домой. Он спросил, на сколько. Она сказала: сколько захочешь. После этого разговор оборвался. Не случилось ни громкой ссоры, ни показательного ухода. В последнем кадре он сидел на жёлтом табурете возле собранной сумки, а она проверяла список вещей и старалась быть полезной.

Свет погас. Настоящий Роман сидел совсем в другой позе, широко расставив ноги и упершись локтями в колени. Ника отодвинула от него пустую чашку, чтобы он случайно не задел её.

— Там я какой-то жалкий, — сказал он.

Она собиралась возразить, что это всего лишь вычисление, но слова показались трусливыми. Минуту назад она верила в собственную вину так же сильно, как прежде верила в обещанное счастье.

— Там у тебя нет ничего своего, — сказала она.

— У меня есть руки. Я могу найти работу.

— Ты узнавал?

Роман провёл пальцем по тёмной пластине. Он ещё не узнавал. В переписке со станцией находилось только Никино предварительное сообщение: «Партнёр, вероятно, тоже приедет». Строка оказалась слишком тонкой, чтобы на ней держалась его новая жизнь.

Ника открыла источник одной из реплик. «Не спеши» встретилось в загруженных сообщениях сорок один раз. Модель принимала повторяющееся согласие Романа за устойчивое согласие. Недовольство она достраивала по другим эпизодам — там, где он позже напоминал, что ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.